
Теория: проблемы и размышления

Вера ЗУБАРЕВА

ПЕРЕЧИТЫВАЯ А. ВЕСЕЛОВСКОГО В XXI ВЕКЕ

Обычно возвращаешься к А. Веселовскому в связи с вопросами сравнительно-исторического метода, сюжетов и мотивов, историко-литературного процесса, эволюции жанров. Возвращаешься несмотря на то, что все это не раз уже перечитано, передумано и кроме небольших уточнений ничего нового вроде бы не сулит. «Веселовский сделал то, что поднимает его теорию на исключительную высоту, — пишет О. Фрейденберг, — несмотря на отдельные промахи и недостатки, он показал, что поэтические категории суть исторические категории, и в этом его основная заслуга»¹. В этом емком определении Фрейденберг — весь портрет Веселовского из моего студенческого времени. Но весь ли Веселовский в этом портрете?

Годы занятий общей теорией систем (ОТС) и ее приложениями к литературоведению дали возможность по-

¹ Фрейденберг О. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. С. 20.

новому взглянуть и на то, что сделал и пытался донести до нас Веселовский, который «был достаточно скуп на теоретические высказывания»². Речь идет не только о методе его литературоведческого анализа, но, прежде всего, о *методе мышления*, задавшем направление его поискам. В русле ключевых разработок ОТС захотелось переосмыслить и термин «*историческая поэтика*», и специфику сопоставлений Веселовского, и его идею смен исторических и литературных периодов, и роль субъективности в научной оценке... И открылся неизвестный доселе Веселовский.

Итак, почему ОТС? Занимаясь изучением литературных процессов в разных культурах и эпохах, Веселовский работал на широком поле, включающем в себя не только литературу и искусство, но и историю, естествознание, психологию и др. Нет, он не применял исторические или биологические модели развития к литературному процессу, как это принято считать. Его поиск шел в том русле, которое впоследствии будет определено и описано в трудах основателя ОТС австрийского биолога Людвиг фон Берталанфи (1901–1972). Поясняя на примерах то, что требовало бы предварительной теории, Веселовский все же сумел донести свое концептуальное понимание, свой метод мышления через сжатые теоретические выкладки в лекциях, рецензиях и отчетах. Расшифровка его основных положений при помощи базисных идей ОТС открывает целую область неожиданных параллелей в подходе к сравнительному анализу.

Изоморфизмы Берталанфи и формулы Веселовского

Говоря о сравнительном изучении различных областей науки и искусства, Веселовский пишет, что оно «от-

² Шайтанов И. О. От составителя // *Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике* / Сост., послесл., коммент. И. О. Шайтанова. М.: Автокнига, 2010. С. 5.

крыло другой, не менее знаменательный факт: это ряд неизменных формул, далеко простирающихся в области истории, от современной поэзии к древней, к эпосу и мифу»³. На сопоставление (а не механическое приложение!) этих формул и был направлен его дальнейший научный поиск. Идя от представления о том, что каждая система может одновременно являться частью более широкой системы, Веселовский стремится «установить закономерности, определяющие всю литературу — “всемирную литературу” — как неделимое целое», и направляется на поиск элементов «для конституирования сверх-целостности»⁴. «Таковыми элементами оказываются для Веселовского “формулы”»⁵. Формулы Веселовского — это, в сущности, прообразы изоморфизмов Бергаланфи, задачей которого было показать, что системы (физические, биологические, социальные и т. д.) управляются аналогичными процессами:

Существуют модели, принципы и законы, которые приложимы к обобщенным системам или подсистемам независимо от их специфических свойств, природы составляющих их элементов и отношений или «сил» между ними. Посему имеет смысл поставить вопрос о теории не отдельных систем, но универсальных принципов, присущих всем системам <...> Наличие общесистемных свойств ведет к образованию общих структур или изоморфизмов в различных областях. Существует соответствие принципов, управляющих поведением объектов в корне различных⁶.

Можно с уверенностью говорить о том, что Веселовский занимался поиском изоморфизмов в различных сис-

³ Цит. по: *Махов А.* Веселовский — Курциус. Историческая поэтика — историческая риторика // Вопросы литературы. 2010. № 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ *Bertalanffy Ludwig von.* General System Theory: Foundations, Development, Applications. N. Y.: George Braziller, 1976. P. 32. (Перевод с англ. мой. — В. З.)

темах, а не экстраполяциями, как это делала, к примеру, культурно-историческая школа, к которой его причисляют. Последняя стремилась «уподобить науку о “духе” науке о природе, перенести в историю литературы эволюционистские схемы», игнорируя наличие «собственно эстетической природы искусства (Ф. Брюнетьер, Г. Лансон)»⁷. Веселовский не занимался уподоблением различных областей — он занимался сопоставлением и поиском общих моделей развития, им присущих. И уж конечно он *не выводил* литературу и искусство из истории или быта. Это довольно поверхностная трактовка его подхода. Поэтому если культурно-историческая школа рассматривает произведение искусства как памятник «своей эпохи, по которому успешно можно изучать лишь историю общественной мысли», не замечая «самостоятельности искусства» и не учитывая «индивидуальность художника»⁸, то Веселовский как раз все это учитывал (его биография Жуковского — прекрасный тому пример).

Однако «самостоятельность искусства» не означает изолированности. Призывая к изучению не только общественной мысли, но и всего того континуума, в котором рождались и развивались произведение и его автор, Веселовский стремился воссоздать не просто историю появления какого-либо литературного течения, но всю многообразную систему отношений — разноплановую, включающую в себя структуры и процессы, как аналогичные тем, что зарождались в смежных областях, так и отличные от них. Номотетический подход, напротив, сводил к достижениям классической науки другие области, пренебрегая их особенностями и, таким образом, унифицируя реальное многообразие. Механистичность подобных отождествлений, их утилитарность критиковал Бертоланфи:

⁷ Тарасова Т. Н. Культурно-историческая школа // Новейший философский словарь / Под ред. А. А. Грицанова. Минск: В. М. Скакун, 2009. С. 346.

⁸ Там же.

Существенный элемент механистической точки зрения — утилитарная концепция, тесно связанная с экономическими воззрениями XIX и начала XX в. Это хорошо известно, например, из дарвинизма: борьба за существование и выживание наиболее приспособленных является биологической версией экономической модели свободной конкуренции⁹.

Вторая существенная особенность того, что сделал Веселовский, органично вытекает из предыдущей и проливает свет на отличие его метода от модной сегодня теории глобализации. Глобализация предполагает уравнивание культур посредством изъятия различий между ними и навязывания унифицированного подхода к множеству, которое может быть представлено либо как многообразие, либо как единообразие. Глобализация стремится к единообразию в целях более простого управления множеством с последующей детерминацией его развития. Задачи, которые решал Веселовский, были связаны с поиском того, что *объединяет* различные области, а не *уподобляет* их друг другу. Нахождение общего знаменателя было для него отправной точкой для установления *различий*. Именно на различиях был сделан акцент в его дальнейших исследованиях. Цель ученого состояла в том, чтобы выявить *своеобразие* каждой культуры в кругу других, а не свести их к *единообразию*. Этот метод мышления проходит через все, что делал Веселовский, к чему он обращался, размышляя о природе общего в разном. Говоря, например, о своеобразии североевропейского романтизма, он отмечал:

Но одну общую черту можно подчеркнуть как в явлении, так и в определении североевропейского романтизма: стремление личности сбросить с себя оковы гнетущих обществен-

⁹ *Берталанфи Л. фон.* Общая теория систем — критический обзор / Перевод с англ. Н. С. Юлиной // Исследования по общей теории систем: Сборник переводов / Общ. ред. и вступ. ст. В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 44.

ных и литературных условий и форм, порыв к другим, более свободным, и желание обосновать их на предании¹⁰.

То же относится и к его исследованию сходных процессов развития в различных областях. Веселовский подчеркивал, что его сравнительный метод связан не с *отождествлением* различных областей, а с *сопоставлением процессов*, происходящих в них:

Дело идет не об *отождествлении* человеческой жизни с природною и не о *сравнении*, предполагающем *сознание раздельности* сравниваемых предметов, а о *сопоставлении* по признаку действия, движения: дерево хилится, девушка кланяется, — так в малорусской песне¹¹.

Веселовский не *сравнивал*, то есть не *уравнивал*, литературные процессы в разных культурах, и в этом смысле он занимался не сравнительным, а *сопоставительным* литературоведением и выработкой методов сопоставительного анализа, которые он пояснял на многочисленных примерах. Но зачем нужны эти сопоставления? Что они дают для развития науки? Подобный вопрос — «Ну и что же?»¹² — был задан П. Баком в его критике ОТС. Отвечая на него, Берталанфи пояснял, что «использование аналогий (изоморфизмов, логических гомологий) или, что почти одно и то же, использование концептуальных и материальных моделей является не полупоэтической игрой, а важным инструментом научного исследования»¹³. «Где бы находилась в настоящее время физика без аналогии (или модели) “волны”, — восклицает он, — применяемой

¹⁰ *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику // *Веселовский А. Н.* Избранное. Историческая поэтика / Сост., вступ. ст., коммент. И. О. Шайтанова. М.: РОССПЭН, 2006. С. 59.

¹¹ *Веселовский А. Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // *Веселовский А. Н.* Избранное. Историческая поэтика. С. 417. Здесь и далее курсив в цитатах мой.

¹² *Берталанфи Л. фон.* Указ. соч. С. 46.

¹³ Там же. С. 47.

к столь несходным явлениям, как водяные волны, звуковые волны, световые и электромагнитные волны, “волны” (скорее в пиквикском смысле) в атомной физике?»¹⁴ Берталанфи стоял на той точке зрения, что «исследователь должен выделить их общую структуру (граф связей), и это может оказаться весьма полезным для практической деятельности»¹⁵.

Нахождение сходных структур помогло Веселовскому, прежде всего, обогатить науку о литературе новыми методологиями и, одновременно, внедрить эти методологии в смежные области для получения более точных результатов.

Метафизик ответит на это историко-сравнительное определение отвлеченным понятием прекрасного и даже постарается обобщить его, сравнив с впечатлением, которое мы выносим из других искусств. И он убедит нас, если и для них он *поставит те же вопросы устойчивости и суггестивности, которые определяют и нормы изящного*, и их внутреннее обогащение на пути к той *science des rythmes supérieurs* [наука о ритмах высшего порядка (*франц.*)], которые отличают наши вкусы от вкусов дикарей (Jean Lahor)¹⁶.

Как отмечает А. Махов, значимость «формул» не столько в их самоценном свойстве, сколько в той возможности, которую они открывают исследователю. Одна из таких возможностей заключается в более экономном процессе познания: аналогичные процессы помогают пояснить в менее изученных системах то, что уже понято и разработано в более изученных. Например, позиционный стиль получил глубокое теоретическое обоснование и широкое практическое применение в шахматной игре. В литературе и других областях появление этого стиля не было удовлетворительно объяснено и долгое время вызы-

¹⁴ Берталанфи Л. фон. Указ. соч. С. 47–48.

¹⁵ Там же. С. 48.

¹⁶ Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику. С. 73.

вало недоумение критиков. Обращение к разработкам теоретиков шахматной игры помогает лучше понять смысл позиционного стиля в литературе и в строгих, а не «полупоэтических» терминах обосновать значение бессюжетного, статичного повествования, наличие «излишних» деталей, эпизодов и героев, не связанных с сюжетом¹⁷.

Выделение общих структур помогало Веселовскому в его эмпирических исследованиях и одновременно подготавливало появление его сравнительного метода, базирующегося на поиске изоморфизмов. Он шел тем же путем, что и Берталанфи, назвавший свой метод «эмпирико-интуитивным» в силу отсутствия дедуктивных выводов и строгих математических выкладок¹⁸. У. Росс Эшби охарактеризовал этот метод следующим образом: «исследуются <...> различные системы — зоологические, физиологические и т. п., а затем делаются выводы о наблюдаемых закономерностях. Этот метод в основе своей является эмпирическим»¹⁹.

Приводя доводы в пользу необходимости общей теории систем, Берталанфи выделил пять основных положений. Он отметил, что господствовавший в XIX — начале XX века номотетический метод практически отождествил науку с теоретической физикой, пренебрегая другими областями знания, в частности биологией, бихевиоральными и социальными науками. Проблемы, возникающие в этих областях, практически игнорировались классической наукой, расценивавшей телеологию и другие вещи, характерные для этих областей, как иллюзорные или метафизические. Все это обедняло понимание принципов, лежащих

¹⁷ Подробнее об этом см.: *Зубарева В.* Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля // Вопросы литературы. 2013. № 1.

¹⁸ *Берталанфи Л. фон.* Указ. соч. С. 34.

¹⁹ *Ashby W. R.* General Systems Theory as a New Discipline // General Systems. Vol. III. 1958. Цит. по: Исследования по общей теории систем. С. 48.

в основе более широкого поля наук, по-разному решающих свои задачи. Кроме всего — и это важно для нашего понимания Веселовского — классическая наука «занималась главным образом проблемами с двумя переменными (линейными причинными рядами, одной причиной и одним следствием) или в лучшем случае проблемами с несколькими переменными»²⁰. Для решения проблем со многими переменными требовалось выработать новые понятийные средства. На это и была направлена ОТС.

Веселовский интуитивно двигался в направлении общесистемных задач, не сводя анализ к двум переменным, как это делали его коллеги, в частности Вл. Стасов. Его критика теории заимствований Стасова отражает два диаметрально противоположных подхода к изоморфным структурам в разных системах²¹. Веселовский оспаривает не только вывод Стасова о происхождении русского былинного эпоса из восточной праструктуры, но и сам метод мышления, идущий от однонаправленной причинности («одно возникает из другого»²²).

По Стасову, схожесть былинных структур у разных народов свидетельствует об их «родстве». Рассматривая их не как *сходные* (изоморфные), а как *родственные* структуры, он отправляется на поиск родителей, «от которых пошли все эти братья и сестры»²³. Иными словами, Стасов отказы-

²⁰ Бертаманфи Л. фон. Указ. соч. С. 25.

²¹ См.: Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса // Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 117–121.

²² «В самом деле, в двух смыслах [можно говорить, что] одно возникает из другого (помимо того, когда “одно из другого” означает “одно после другого”, например — олимпийские игры “из” истмийских): или в том смысле, как муж происходит из ребенка при изменении этого последнего, или в том, как воздух происходит из воды. О возникновении по образцу того, как муж происходит от ребенка, мы говорим в применении к тому, как возникшее происходит от возникающего или завершнное из завершающегося...» (*Аристотель*. Метафизика / Перевод с др.-греч. и прим. А. В. Кубицкого. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 71.)

²³ Веселовский А. Н. Заметки и сомнения о сравнительном изучении средневекового эпоса. С. 120.

вает им в самостоятельном развитии, поскольку у него не сформировалось еще понимание изоморфных процессов, независимо возникающих в различных системах. Его метод мышления соответствует принципам, на которых, по Берталанди, основывается классическая наука. Стасов отыскал «детей», и его логика подсказывала ему найти «родителей» как причину их появления. Теория заимствований базировалась на причинно-следственном методе мышления. Совершенно по-иному видел это Веселовский, подошедший к вопросу аналогичных художественных структур как к проблеме со многими переменными. Его исследование было направлено на выявление множества параметров, приведших к образованию аналогичных форм, и в этом — существенная разница между его методом и тем традиционным подходом, который превалировал в его время. Вопрос о заимствованиях он тоже ставил, но его главным требованием были не гипотезы и измышления, а наличие фактов.

Обосновывать теоретически направленность своих поисков Веселовский не стал, и отчасти это было связано с положением науки в его время. «История литературы в том смысле, в котором я ее понимаю, — писал ученый, — возможна только специальная. Возможна ли подобного рода разработка литературной истории у нас в России — это другой вопрос. Кажется, что невозможно. Наука у нас стоит еще на степени первобытного хозяйства, приходится многое делать одними руками, что при более развитых условиях жизни распределяется между многими рабочими единицами»²⁴. И действительно, многие свои положения Веселовский объяснял практически на пальцах, включая и свой новый подход к изучению подсистем, речь о котором пойдет ниже.

В защиту же отечественной науки следует сказать, что не только она отставала от новаторских идей крупных мыслителей — то же «отставание», хоть и в меньшей степени, свойственно и продвинутым странам, когда

²⁴ *Веселовский А. Н.* Отчеты о заграничной командировке // *Веселовский А. Н.* Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 44.

речь идет о принципиально новом методе мышления. Как впоследствии признавался Бергаланфи, замысел общей теории систем зародился у него еще в 1936 году, но он ждал, пока интеллектуальный климат будет подходящим для восприятия его теории, и впервые опубликовал свой труд только в 1968 году. У Веселовского не было возможности ждать почти столетие.

Система-организм, вероятность и предрасположенность

Бергаланфи разработал методологию изучения систем, определяя систему как организм или организованную сущность, где целое больше суммы его частей (последнее взято у Аристотеля). Он указывал на то, что каждая система включает в себя другие системы и одновременно является подсистемой большей системы. Системы взаимодействуют с окружением, способны приобретать новые свойства и находятся в постоянном развитии. Тех же взглядов придерживался Веселовский, писавший: «...лучше прямо сознаться, что границы литературной истории придется определять иногда гораздо шире, чем кругом исключительно изящных произведений. Осмысляя существующую рубрику, можно, я думаю, предложить и новую. Мы предложили историю образования, культуры, общественной мысли, насколько она выражается в поэзии, науке и жизни»²⁵. Совершенно очевидно, что ученый подходит к литературе как к системе, состоящей из литературных подсистем и включенной в мегасистему, обозначенную им как «наука и жизнь». История литературы мыслится как организм, обладающий немеханистической целостностью.

Итак, рядом с историей языка — история литературы, понятая *как целое*, имеющее свое определенное развитие во вре-

²⁵ Веселовский А. Н. Отчеты о заграничной командировке. С. 59.

мени, свое русло, уследимое в сети притоков и разветвлений, свою законность в последовательной смене поэтических родов, в истории стиля, эстетических воззрений и сюжетов. Понятая, таким образом, как *своеобразный организм*, она не только не исключает, но и предполагает пристальное, атомическое изучение какой-нибудь невзрачной легенды, наивной лирической драмы, не забывая ради них Данта и Сервантеса, а приготовляя к ним. Их понимание, их оценка оттого только выгадает; если для многих они продолжают выситься, точно гигантские статуи на площадях, в безмолвном величии одиночества, то следует помнить, что это одиночество — мираж; пустота создана нашим незнанием, и что к тем площадям издавна вели торные дороги, шли толпы работников, и раздавались человеческие голоса²⁶.

В этом отрывке затронуту сразу несколько методологических аспектов, разработанных позднее в ОТС. Прежде всего, это стремление представить литературные периоды как фазовое развитие, то есть постепенное «движение во времени», предрасполагающее, но не детерминирующее появление «малых» или «великих». По Веселовскому, второстепенные с современной точки зрения явления литературы и искусства вырастают из самой системы, *изнутри*, «приготовляя» эпоху к появлению колоссов. Иными словами, он говорит о том, что система создает *предрасположенность* к появлению тех или иных учений, произведений и личностей и что изучение *предрасположенности*, то есть всего обширного круга деталей и отношений между ними, даст более глубокое понимание того, что вырастет в результате.

Больше всего Веселовский опасался крайностей в подходе к описанию процессов становления системы. Во вступительной лекции «О методе и задачах истории литературы как науки», прочитанной им в Санкт-Петербургском университете 5 октября 1870 года, он говорил о том,

²⁶ *Веселовский А. Н.* О Романо-германском кружке в Петербурге и его возможных задачах // *Веселовский А. Н.* Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 214.

что делать из великой личности «привесок» к массам или наоборот есть либо «смешение» «старой точки зрения с новой», либо «просто возвращение к старому, только в этой подмалевке народными и бытовыми красками грунта, на котором должна тем ярче обрисовываться грандиозная фигура героя, есть известная доля лжи...»²⁷. Великая личность и обезличенные массы — две крайности, к которым притянут старый метод мышления. Метод Веселовского был в корне отличен — он исходил из понимания промежуточной фазы развития системы, в которой выкристаллизовывается *предрасположенность* к появлению нового и переоценке старого. Этот метод мышления наряду с поиском изоморфных структур лег в основу его сравнительного метода.

Теория предрасположенностей, возникшая как альтернатива теории вероятностей, была разработана в трудах ученика Л. Канторовича Арона Каценелинбойгена (1927—2005), занимавшегося общесистемными вопросами и разработавшего структуру ценностей, стили и методы, а также понятие потенциала как внутренних параметров системы. Теория предрасположенностей создавалась для уникальных ситуаций или ситуаций, когда отсутствует статистика и невозможно просчитать вероятность. Отталкиваясь от идей позиционной игры в шахматах как от модели, верифицирующей его положения, Каценелинбойген разработал пошаговую методику подхода к индетерминистским системам, удивительно напоминающую в своей описательной части методику Веселовского. Сама стадия предрасположенностей определяется Каценелинбойгеном как промежуточная между полным хаосом и полным порядком, она-то и отвечает за появление изменений и направление развития системы²⁸. В литературном

²⁷ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки // Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 11.

²⁸ См.: Katsenelinboigen A. Evolutionary Change: Toward a Systemic Theory of Development and Maldevelopment. Newark: Gordon & Breach Publishing Group, 1997. P. 30.

мире идею предрасположенности нагляднее всего выразил Чехов в знаменитом высказывании: «Между “есть Бог” и “нет Бога” лежит целое громадное поле...»

Стадия предрасположенностей складывается из множества параметров, пренебречь которыми как «ненужными» или «второстепенными» нельзя. В противном случае — при «осколении» ситуации, по выражению Кацинелинбойгена, — картина может получиться искаженной²⁹. И как узнать, что именно существенно для развивающейся системы, а что нет, когда отсекаешь детали, чтобы подогнать ситуацию под существующие статистические данные? Именно этот вопрос и вызвал к жизни теорию предрасположенностей.

Постепенное развитие предрасположенности требует такого же постепенного подхода к ней. «Атомическое изучение какой-нибудь невзрачной легенды», на котором настаивал Веселовский, его «принцип постепенности» с пристальным вниманием ко всякой детали, с оценкой и интеграцией в целое адекватен методу оценки предрасположенности. «Старина отложились для нас в перспективу, где многие подробности затушеваны, преобладают прямые линии, — пишет Веселовский, — и мы склонны принять их за выводы, за простейшие очертания эволюции. И отчасти мы правы: историческая память минует мелочные факты, удерживая лишь веские, чреватые дальнейшим развитием. Но историческая память может и ошибаться; в таких случаях новое, подлежащее наблюдению, является мерилom старому, пережитому вне нашего опыта»³⁰. Постоянный упор на детали связан с пониманием того, что пренебрежение ими может в корне поменять вывод об изучаемом периоде, сделав картину гладкой и идеализированной: «...идеализация часто напоминает старую монету, на которой видны одни контуры и исчез-

²⁹ См.: *Katsenelinboigen A. The Concept of Indeterminism and Its Applications.* Westport, Connecticut: Praeger, 1997. P. 33.

³⁰ *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику. С. 58.

ли мелкие штрихи. Нам важны именно эти мелкие черты, трепещущие жизнью»³¹.

Теория вероятностей не ставит перед собой подобных задач. Она выискивает один общий признак, по которому сравниваются два состояния, а все остальные детали отпадают как несущественные. Но опыт показал, что подобное пренебрежение чревато непредвиденным результатом, поскольку роль «второстепенных» деталей может измениться в процессе развития системы. Уже в своей первой лекции Веселовский противопоставил эти два подхода, известные впоследствии как вероятностный и позиционный. Обращаясь к технике «научного обобщения», он показывает, сколь многочисленны детали, шаги и отношения, из которых оно складывается, как важно не упустить ничего из этого многообразия:

Вы изучаете, например, какую-нибудь эпоху; если вы желаете выработать свой собственный самостоятельный взгляд на нее, вам необходимо познакомиться не только с ее крупными явлениями, но и с тою житейской мелочью, которая обусловила их; вы постараетесь проследить между ними связь причин и следствий; для удобства работы вы станете подходить к предмету по частям, с одной какой-нибудь стороны: всякий раз вы придете к какому-нибудь выводу или к ряду частных выводов. Вы повторили эту операцию несколько раз в приложении к разным группам фактов; у вас получилось уже несколько рядов выводов и вместе с тем явилась возможность их взаимной проверки, возможность работать над ними, как вы доселе работали над голыми фактами, возводя к более широким принципам то, что в них встретилось общего, родственного, другими словами, достигая на почве логики, но при постоянной фактической проверке, второго ряда обобщений. Таким образом, восходя далее и далее, вы придете к последнему, самому полному обобщению, которое, в сущности,

³¹ *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1904. С. I.

и выразит ваш конечный взгляд на изучаемую область. Если вы вздумаете изобразить ее, этот взгляд сообщит ей естественную окраску и цельность организма. Это обобщение можно назвать научным, разумеется, в той мере, в какой соблюдена постепенность работы и постоянная проверка фактами и насколько в вашем обобщении не опущен ни один член сравнения. Работа более или менее продолжительная, смотря по обширности предмета. Гиббону стоила его книга двадцати лет труда; Боклю она стоила всей жизни³².

Это типично позиционная техника анализа предрасположенности. Она была досконально разработана в шахматах Вильгельмом Стейницем (1836—1900) — гениальным теоретиком и первым чемпионом мира по шахматам с 1886 по 1894 год. Он был первым, кто пояснил принципы позиционной игры, показав ее скрытые преимущества. Стейниц указывал на важную роль не только материальных, но и позиционных параметров в оценке и формировании позиции. Он разработал в теории и показал на практике, как «постепенно накапливающиеся преимущества претворяются в комбинацию»³³. У Веселовского создание подобных «преимуществ» описано как поэтапное обобщение, призванное сложиться в целостную картину.

Веселовский подходил к этим проблемам эмпирически, как и известный позиционный игрок Пол Морфи (1837—1884), не сумевший, однако, концептуализировать свой стиль. Это в полной мере удалось Стейницу. В то время, когда Веселовский читает первую лекцию, Стейниц только разрабатывает свою теорию. В 1873 году, то есть три года спустя после лекции Веселовского, Стейниц знакомит мир с теорией позиционной игры и внедряет ее в практику под скептические комментарии поклонников комбинаций. Начиная с 1872 года Стейниц сотрудничает с английским журналом «The Field» в Лондоне, где на протяжении деся-

³² *Веселовский А. Н.* О методе и задачах истории литературы как науки. С. 12—13.

³³ *Ласкер Э.* Учебник шахматной игры. М.: Физкультура и спорт, 1980. С. 219.

ти лет излагает позиционную стратегию и поясняет ее особенности, подкрепляя примерами блестящие теоретические выкладки. Затем он основывает собственный международный журнал в Нью-Йорке и впоследствии пишет учебник «The Modern Chess Instructor» (1889). Задачи, поставленные перед шахматистами, идентичны по большому счету задачам, стоящим перед Веселовским.

Разобрав то, что мы называем здесь позиционным методом, Веселовский упоминает в той же лекции другой подход — «облегченный». Облегченность заключается в том, чтобы упразднить поэтапное и многоракурсное исследование и вместо всего многообразия деталей сфокусироваться на одной-двух. Это соответствует принципу счета вероятностей.

Можно и облегчить себе эту задачу. Ваше внимание, например, обратила на себя история французской мысли в XVI веке. Вы изучили ее главных представителей — Рабле, Монтеня, Ронсара и Маро. Вы рассуждаете таким образом: если эти люди выдались вперед, если их сочинения более других продолжают привлекать внимание, то очевидно потому, что в них более таланта, и, как более талантливые, они сильнее успели воспринять и отразить современные им движения исторической мысли. И вот Рабле и Маро являются представителями старой Франции, того «*esprit gaulois*», которому еще раз суждено было сказаться в полном цвете при дворах Франциска I и Маргариты Наваррской. Ронсар является несколько позже; он уже составляет переход к позднему литературному монархизму. Монтень — это тип вечного скептика, благодушно уединившегося на острове, когда впереди и сзади играет буря, и т. п. На этих трех идейках можно, если хотите, построить канву эпохи Возрождения во Франции; к ним пристроились бы по категориям все промежуточные явления; другие, не подходящие, отнесутся к явлениям переходным; картина может выйти полная.

Историю английской литературы и жизни точно так же пробовали объяснить из смены англосаксонского и нормандского элементов, их борьбы и примирения, и факты, казалось, укладывались в эти обобщения. Но *эти обобщения не полны, потому что добыты без соблюдения тех условий постепенности, о*

которых говорено выше. Они могут и не противоречить условиям научным, но совпадение тех и других будет случайное³⁴.

Заключительная фраза буквально повторяет вывод в теории предрасположенностей о том, что оба подхода могут иногда дать одинаковый результат, и это может быть как совпадением, так и подтверждением того, что на каком-то этапе можно применять один из методов по выбору³⁵. Последнее важно, поскольку метод предрасположенностей более трудоемкий и долгий, и иногда имеет смысл пойти более легким путем. Но при этом исследователь должен понимать риск получения ошибочного результата.

Лекция затронула круг вопросов, которые Веселовский развивал в дальнейшем. Это была «первая научная декларация А. Н. Веселовского, сделанная публично и имеющая целью “метод и задачи...” Но еще не поэтики, а — истории литературы <...> Это было лишь нащупывание своего пути, поиск своего языка, в котором слову “поэтика” пока что не было места»³⁶. «Поиск своего языка» сопровождался довольно зрелым методом мышления, опередившим, как это часто бывает в подобных случаях, создание необходимого понятийного аппарата.

Эволюция и «закон внутреннего развития»

Веселовский опирался в своем подходе на Г. Гервинуса, писавшего, что «одинаковый дар наблюдения, обращенный на одни и те же предметы, мог самостоятельно найти сходные выражения для внутренних впечатлений и, вероятно, часто находил»³⁷. В той же цитате Веселовский выводит курсивом следующее: «Если при всяком сходстве в истории

³⁴ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки. С. 13–14.

³⁵ Katsenelinboigen Aron. The concept of Indeterminism and Its Applications. P. 32.

³⁶ Шайтанов И. Указ. соч. С. 6.

³⁷ Веселовский А. Н. Отчеты о заграничной командировке. С. 56.

отправляться от такого предполагаемого доисторического родства, — то не было бы закона внутреннего развития, и никакой народ, ни один человек не мог бы сделать шагу, не заимствуя»³⁸. Судя по всему, концепция системы, развивающейся от внутреннего, а не внешнего, занимала Веселовского довольно серьезно. Он добавляет следующий комментарий к приведенной выше цитате: «Как мы сказали, к отысканию этого “закона внутреннего развития” проложен путь в новом философском направлении, какое получила в наше время наука языка»³⁹. Но путь этот оказался долгим. Понимание роли потенциала системы при взаимодействии ее с внешним миром давалось в науке непросто, и не только в науке о языке.

Когда Барбара Мак-Клинток (1902–1992) открыла «прыгающие гены»⁴⁰, Арон Каценелинбойген проинтерпретировал это как доказательство наличия «внутреннего механизма изменчивости в биологических системах»⁴¹, поскольку, как Мак-Клинток указала в своей Нобелевской речи, ее открытие вело также к выводу о том, что клетки самостоятельно способны распознавать «поломки» в ядре («to sense the presence in their nuclei of ruptured ends of chromosomes») и затем активизировать механизм по их «починке» («and then to activate a mechanism that will bring together and then unite these ends, one with another») ⁴². Открытие «прыгающих» генов было сделано ею в 50-х, Нобелевскую премию она получила только в 1983-м, но даже и в 90-е годы роль горизонтального переноса генов в эволюции еще не осознавалась. Мак-Клинток, по ее воспоминаниям, не толь-

³⁸ Веселовский А. Н. Отчеты о заграничной командировке. С. 56–57.

³⁹ Там же. С. 57.

⁴⁰ См.: *McClintock B. The Discovery and Characterization of Transposable Elements*. N. Y.: Garland, 1987.

⁴¹ См.: *Katsenelinboigen A. Evolutionary Change: Toward a Systemic Theory of Development and Maldevelopment*. P. 94–95.

⁴² *McClintock B. The Significance of Responses of the Genome to Challenge // Physiology or Medicine: 1981–1990 / Edited by Tore Frängsmyr, Jan E. Lindsten*. River Edge, N. J.: World Scientific Publishing Co, 1993. P. 184.

ко не была понята мейнстримом, но и получила прозвище «сумасшедшей», несмотря на все ее регалии. «Для смены концепции нужно выждать правильное время», — писала она⁴³. Это же относится и к Веселовскому, чье понимание исторической изменчивости соответствует сегодняшним представлениям о законе внутреннего развития системы и не имеет ничего общего с «плоским эволюционным позитивизмом»⁴⁴, который ему приписывали.

Чтобы уяснить разницу между дарвинистской теорией эволюции и тем, как мыслил историческое развитие Веселовский, обратимся к основным эволюционистским положениям. Эволюция по Дарвину есть *случайные* мутации + естественный отбор. Конечная цель природы — борьба за выживание. Подход Веселовского иной. Прежде всего, изменения и закрепление тех или иных литературных форм он не связывает ни со *случайностью*, ни с *закономерностью*. Литературные формы возникают или исчезают в результате создавшейся *предрасположенности*, выстраиваемой *изнутри*, в качестве *внутренних* потребностей системы. Они и играют роль внутреннего механизма, отвечающего за дальнейшие перемены. Во-вторых, не выживание, а *стремление к развитию* движет этими сменами⁴⁵.

Вымирают или забываются, *до очереди*, те формулы, образы, сюжеты, которые *в данное время* ничего нам не подсказывают, не отвечают *на наше требование* образной идеализации; удерживаются в памяти и обновляются те, которых суггестивность *полнее и разнообразнее и держится дольше*; соответствие *наших нарастающих требований* с полнотой суггестивности создает привычку, уверенность в том, что то, а не другое, служит действительным выражением *наших* вкусов,

⁴³ Цит. по: *Brian K. Hall. Evolution: Principles and Processes*. Burlington: Jones & Bartlett, 2011. P. 234. (Перевод с англ. мой. — В. 3.)

⁴⁴ *Фрейденберг О.* Указ. соч. С. 20.

⁴⁵ В отличие от эволюционных теорий дарвинистов и креационистов, теория предрасположенностей ставит во главу угла развитие, а не выживание. См.: *Katsenelinboigen A. Indeterministic Economics*. N. Y.: Praeger Publ., 1992. P. 33—35.

наших поэтических вождений, и мы называем эти сюжеты и образы поэтическими⁴⁶.

Как видим, Веселовский выводит эволюцию образов, сюжетов и формул из *нужд* системы-организма, стремящейся к развитию. Что же, в свете современного подхода, отличает организм? Прежде всего, это способность к саморегуляции и развитию благодаря в первую очередь внутренним силам, а не окружающей среде. Как писал Бергалауфи, «мы не можем сказать, что изменение является результатом действия “некоторого внешнего агента, воздействующего на систему как ее вход”; дифференциация внутри развивающегося эмбриона или организма происходит согласно внутренним законам их организации»⁴⁷. Это противоречит аристотелевскому постулату, что «все движущееся непременно приводится в движение чем-нибудь»⁴⁸. Следуя этой парадигме мышления, Аристотель развил идеи сюжета и характера в своей «Поэтике»:

...трагедия есть подражание не [пассивным] людям, но действию, жизни, счастью, [а счастье и] несчастье состоят в действии. И цель [трагедии — изобразить] какое-то действие, а не качество, между тем как характеры придают людям именно качества, а счастливыми и несчастливыми они бывают [только] в результате действия. Итак, [в трагедии] не для того ведется действие, чтобы подражать характерам, а, [наоборот], характеры затрагиваются [лишь] через посредство действий; таким образом, цель трагедии составляют события, сказание, а цель важнее всего. Кроме того, без действия трагедия невозможна, а без характеров возможна...⁴⁹

⁴⁶ Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику. С. 73.

⁴⁷ Бергалауфи Л. фон. Указ. соч. С. 37.

⁴⁸ Аристотель. Физика / Перевод с др.-греч. В. П. Карпова. М.: Соцэкгиз, 1936. С. 205.

⁴⁹ Аристотель. Поэтика / Перевод с др.-греч. М. Л. Гаспарова // Аристотель. Сочинения. В 4 тт. Т. 4 / Общ. ред. А. И. Доватура. М.: Мысль, 1983. С. 653.

По представлению аристотелевской школы, характер — марионетка, управляемая действием, заданным фабулой; действие определяет и трагичность конфликта. Вопрос о том, что герой имеет свой внутренний потенциал, свою предрасположенность, определяющую его побуждения, глубину и остроту конфликта и т. п., не обсуждается аристотелевской школой и по сей день⁵⁰.

Веселовский пересматривает этот подход, подчеркивая роль *внутреннего* как движущей силы драматического конфликта:

Драма, стало быть, *внутренний* конфликт личности, не только самоопределившейся, но и разлагающей себя анализом. Конфликт этот может выражаться во внешних формах, объективирующих психические силы и верования в живых лицах мифологии, в божествах, определяющих долю, враждебную самоопределению личности; но он может представляться и совершающимся *внутри* человека, когда *ослабнет или видоизменится вера во внешние предержащие силы*⁵¹.

Этот небольшой отрывок заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее, ибо здесь Веселовский, по сути, формулирует новый подход к категории драматического, сопряженной не с действием или фабулой, а с внутренними характеристиками героя, такими как интеллект, способность к самооценке, предрасположенность к анализу, умение выбрать направление своего развития (с этим связано самоопределение, о котором он пишет) и т. п. Все это и есть параметры, слагающие, но не исчерпывающие категорию *внутреннего*, то есть потенциал героя.

⁵⁰ Например, Э. Олсон подходит к жанру с точки зрения предмета, средств и способа подражания. Комическое он приравнивает к смешному и всему, что порождает смех. См.: *Olson Elder. The Theory of Comedy.* Indiana: Indiana U. P., 1968. P. 23. А. Боуи выводит комическое и комедию из «безвредных уродств». См.: *Bowie A. M. Aristophanes: Myth, Ritual, and Comedy.* Cambridge: Cambridge U. P., 1993. P. 15.

⁵¹ *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику. С. 66.

Веселовский пишет о природе понятий драматического, эпического и т. д. как о сгустках *отношений*, в разной мере присутствующих в разных произведениях. Жанровые формы не представляются ему застывшими, закрепленными за «объектами» (то есть за определенным типом произведений). Они рождаются в процессе отношений между частями системы как формы мысли этой системы. «Эти формы — естественное выражение мысли; чтобы проявиться, им нечего было дожидаться истории. Форма драмы встречается уже в “Ведах” и в разговорах богов Старой Эдды»⁵². По сути, аристотелевская школа и школа Веселовского — это два различных способа осмысления целого. Целое может быть представлено либо как агрегат, либо как система. Агрегат — это объединение материальных объектов, слагающих целое. Система включает как объекты, так и отношения между ними. Поставив во главу угла фабулу как внешнюю движущую силу, Аристотель и его школа подходили к литературным героям как к неживым объектам, детерминированным внешним действием. Но из неживых объектов не получается *организма*, о котором пишет Веселовский.

Аристотелевский объект-герой наделяется определенными внешними характеристиками, такими же характеристиками наделяется и жанр как объект, и количество этих разнородных линейно выстроенных параметров, таких как тип концовки, статус героя, смешное или грустное и т. п., постоянно растет, превращая определение жанра в вагон с многочисленными прицепами, ломающимися в процессе движения. Веселовский принципиально против бессистемных попыток описания жанра. Критикуя эмпирические исследования романтизма, он называет набор внешних признаков «перечнем», «в котором соединено многое несоединимое»⁵³. Бергаланфи назвал подоб-

⁵² Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки. С. 17.

⁵³ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». С. 18.

ный подход к целому механистическим. Не случайно аристотелевская школа вынуждена была признать, что она не смогла выработать стройного определения комедии⁵⁴. Да и с трагедией и драмой дела обстоят не лучше, поскольку все сводится к «перечню».

Вторая важная вещь, на которую указывает Веселовский в своем определении драмы, связана с вопросом судьбы, воплощенной в Мойрах, и случая — как орудия богинь Ананке, Тихе и др. Веселовский подчеркивает, что пока понимание роли *внутреннего* не развито, конфликт осмысливается как борение внешних сил — богов или богинь, управляющих судьбой. Но как только «вера во внешние предержащие силы» «ослабнет или видоизменится», придет понимание того, что все свершается «внутри человека». Это исключительно интересное замечание заставляет пересмотреть классические образцы древнегреческой трагедии с точки зрения потенциала героя как преобладающего в трагической развязке. Одним из таких образцов является «Царь Эдип» Софокла. Текст трагедии противоречит распространенному мнению о роли неизбежности в судьбе Эдипа, как и представлениям самих древних греков о судьбе и неизбежности. Прежде всего, судьба в лице богинь судьбы непоколебима только в смысле рождения и смерти: что рождено, то умирает. Все, что «между», — жизнь человека — может меняться в зависимости от того, как человек себя поведет, насколько сумеет убедить Зевса, что он достоин того, чтоб судьба его изменилась. Вот что об этом пишет, например, Р. П. Уиннингтон-Инграм:

Боги — и в частности самый главный из них, Зевс, — настолько могущественны, что изъявления судьбы естественным образом воспринимаются как изъявления богов; тем не

⁵⁴ Пол Гроу, подчеркивая отсутствие стройной теории комического, указывал на уравнивание комического и смешного во всех существующих теориях, несмотря на то, что смешное занимает гораздо меньше места в шекспировской комедии, чем, скажем, в какой-нибудь второсортной. См.: *Grawe Paul H. Comedy in Space, Time, and the Imagination*. Chicago: Nelson-Hall, 1983.

менее время от времени возникает ощущение, что даже боги не могут — или не должны — отменять решение судьбы, в особенности когда речь идет о смерти <...> Разница между размытой судьбой и действенным богом заключается в следующем. Прежде всего, богиня судьбы непреклонна, тогда как боги могут менять свои решения под влиянием молитв и жертвоприношений. В этом смысле «действенный бог» может интерпретироваться как метафора меняющегося мира: пересмотр собственной модели поведения (раскаяние) может повлечь за собой перемены в судьбе героев (благодаря податливости богов)⁵⁵.

В «Царе Эдипе» обращают внимание только на предсказание, упуская характер самого Эдипа. Но этот герой известен вспыльчивостью, нетерпимостью, даже жестокостью. Случайно ли Софокл наградил его подобными чертами? Если бы он сделал своего героя крайне внимательным, уравновешенным и рационально мыслящим и если бы при этом показал, что Эдип дал обет не убивать вообще никого и ни при каких обстоятельствах и после этого все равно совершил убийство, тогда бы имело смысл говорить о неотвратимости. В пьесе же все совершенно по-другому. Услышав предсказание, Эдип идет по пути наименьшего сопротивления. Вместо того чтобы изменить свою натуру, он просто-напросто меняет место проживания. Перемещение Эдипа, его встречи и конфликт — это движение сюжета. Все остальное — вопрос потенциала и предрасположенности героя. Предсказание срабатывает только потому, что Эдип хочет «увернуться» от судьбы (направленность на *внешнее*), но не изменить себя *внутренне*. Мысль об изменении себя приходит к нему, но только после трагической развязки. Однако, понимая свою натуру, свой темперамент и силу, он даже и в трагическую минуту не уверен, послужит ли ему происшедшее уроком на будущее. Тогда он идет на крайнюю меру и — в качестве вечного напомина-

⁵⁵ *Winnington-Ingram R. P. Sophocles: An Interpretation.* N. Y.: Cambridge U. P., 1980. P. 152, 155. (Перевод цитаты с англ. мой. — В. З.)

ния — выкалывает себе глаза. Он надеется, что слепота внешняя станет прозрением внутренним. Аристотелевская школа не позволяет адекватно проанализировать подобные произведения, фокусируясь на внешнем — на сюжете, суть которого в том, что сбывается предсказание богов. Подобный подход критикуется Веселовским:

Средние века остановились на формуле типа и не добрались до личности; и они не миновали борьбы, и много ее выпало на их долю, но ни одной они не разрешили, оставив вопросы открытыми для будущего: эпоха искания, ожиданий и попыток, где *как будто* не люди, какие-то мировые силы движут историей, церковь и империя, массовые движения и словесные предприятия, и чудо иногда спускается на землю на помощь людскому бессилию, и личность постоянно выгорается личной инициативой⁵⁶.

По Веселовскому, за всеми идеями и движениями стоят не абстрактные мировые силы, а люди: инициатива рождается изнутри, а не дается извне. Люди меняют структуру общества в соответствии с собственными внутренними потребностями, «ощущениями» и возможностями:

Когда из среды, коллективно настроенной, выделился, в силу вещей, кружок людей с *иными ощущениями и иным пониманием жизни*, чем у большинства, он внесет в унаследованные лирические формулы новые сочетания в уровень с содержанием *своего чувства*; усилится в этой сфере и сознание поэтического акта, как такового, и самосознание поэта, ощущающего себя чем-то иным, чем певец старой анонимной песни. И на этой стадии развития может произойти новое объединение с теми же признаками коллективности, как прежде...⁵⁷

⁵⁶ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви // Веселовский А. Н. Избранное. На пути к исторической поэтике. С. 237–238.

⁵⁷ Веселовский А. Н. Исторические условия поэтической продукции // Веселовский А. Н. Избранное. Историческая поэтика. С. 242.

Внутренний принцип, идущий от потенциала и предрасположенности личности или коллектива, является основополагающим в работах Веселовского. Например, выступая против ложной трактовки Боккаччо, Веселовский аргументирует это неспособностью интерпретаторов оценить созданную Боккаччо систему отношений по *внутреннему*, а не внешнему принципу. Внешний принцип идет от постулата о фабуле, через который не могут перешагнуть и выдающиеся критики Боккаччо, рассматривающие его как поэта «сладострастия по преимуществу»⁵⁸. Веселовский с горечью отмечает, что «даже новые исследователи приняли его в наследие от старших вместе с массой тому подобного хлама; потому ли, что ограничиваясь *внешностью* явления, они не дали себе труда распознать его *внутреннюю* суть...»⁵⁹

В работах ученого формируется психофизический принцип, который и есть шаг «вовнутрь». Следует сказать, однако, что *внутреннее*, по Веселовскому, — не прерогатива личности как микросистемы. Он переносит понимание *внутреннего* и на макросистему — общество, — исследуя исторические и литературные процессы с точки зрения их порождения изнутри. Выявление внутреннего является первичным в его методике. Затем следует анализ внешних условий. А уже после того, как эти две фазы завершены, ученый приступает к анализу взаимодействия внутренних возможностей системы и внешних условий.

К *внешнему* в литературной системе Веселовский относит художественные средства, образующие жанровые особенности произведения, и все то, что составляет материальные, сущностные характеристики, определяющие внешний вид произведения и помогающие отличить, к примеру, песню от пьесы, стихотворное произведение от нестихотворного и т. п. «В основе греческой драмы лежат обрядовые хоро-

⁵⁸ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 267.

⁵⁹ Там же.

вые песни, вроде наших весенних хороводов; их простейшее религиозное содержание обобщилось и раскрылось для более широких человеческих идей в культе Диониса»⁶⁰. На Западе появляется мистерия, лишенная народной основы. «Площадная сцена, куда переселился впоследствии этот религиозный театр, могла внести в него несколько бытовых сцен и комических типов»⁶¹. Однако внешние характеристики не являются показательными для того, что Веселовский понимает под драмой и драматическим. «Психологический анализ» и «понятие внутреннего конфликта», который «может выражаться во внешних формах», но не определяется ими, — вот что создает драму.

Значение термина «историческая поэтика» Веселовского

Избрав определение «историческая» для своей поэтики, Веселовский связывает его с методом, направленным на анализ *внутреннего как движущего механизма* истории. В теории предрасположенностей мера внешних воздействий на систему определяется мощностью ее *потенциала*: чем слабее потенциал системы, тем сильнее внешние влияния на нее. Это же понимание мы находим у Веселовского, анализирующего взаимодействие микро- и макрокосма, то есть личности и окружения. «Как, в самом деле, было развиваться индивидууму, — пишет он, — когда средневековый человек был буквально заброшен самым странным разнообразием культурных элементов, с которыми надо было сосчитаться, — а у него *не было сил* найтись в их подавляющей массе?»⁶² Недостаток внутренней силы индивидуума ставится им во главу угла при пояснении исторической ситуации. При этом Веселовский подчеркивает важность понимания *взаимодействия* внешнего и внут-

⁶⁰ *Веселовский А. Н.* Из введения в историческую поэтику. С. 66.

⁶¹ Там же.

⁶² *Веселовский А. Н.* Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 238.

ренного для получения более полного представления об *историческом развитии* системы. Так, говоря о роли психофизического фактора в романе Боккаччо, Веселовский пишет: «Наше изображение развития личности и личного чувства любви в новой Европе осталось бы, по необходимости, неполным, если бы мы не обратили внимания на другой, *внешний* момент, назначение которого мы уже успели указать в начале нашего рассказа»⁶³.

Внешнее не детерминирует внутреннее; результат будет зависеть от *меры силы* внутреннего. Эту идею Веселовский проводит в биографии Жуковского, показывая, что Жуковский «сохранился, как был, не только в силу того, что долгое пребывание за границей отчудило его от движения русской живой действительности, но и по своей *в высшей степени консервативной натуре*, все перерабатывавшей в свою меру и прок»⁶⁴. Пребывание за границей — это внешняя пространственная перемена в жизни Жуковского. Его натура превалирует над внешними условиями. Сопоставляя натуру и обстоятельства, Веселовский показывает, почему результат в случае с Жуковским именно таков. Другой тип личности в аналогичных обстоятельствах привел бы к другому результату. Например, разбирая подражательность Франческо да Барберино, он пишет:

Тосканец родом, в эпоху начинавшейся самостоятельности тосканской литературы, успевшей отчасти устранить влияние французских и провансальских образцов, он все еще не может от них отделаться, потому ли, что четырехлетнее пребывание во Франции и при Авиньонском дворе (1309—1313) оставило на нем свои следы, или в нем *не было достаточно творческой силы*, чтобы принять все это *в плоть и кровь* и не остановиться на внешнем подражании⁶⁵.

⁶³ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 271.

⁶⁴ Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». С. X.

⁶⁵ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 245.

Принятие внешних влияний «в плоть и кровь» является ключевым моментом в оценке формирования потенциала по Веселовскому. Одни и те же вещи могут рассматриваться как внешние и как внутренние в зависимости от того, насколько система сумела их вобрать. Веселовский пытается проследить, как именно *внешнее* внедряется в потенциал системы, становясь ее органической частью. «Чтобы новые идеи могли приняться в жизни, — пишет он об идеях, идущих от трубадуров, — надо было удалить искусственный сословный принцип и тот строй мысли, который неизбежно является в его сопровождении. Эту роль принимают на себя города»⁶⁶. Далее он дает подробную картину процесса вживления новых идеалов в развитый потенциал большей подсистемы, прослеживая, как размыкается «замкнутость средневековой мысли»⁶⁷, создавая тем самым условия для «вбирания» идей со стороны.

Именно эта тонкость недооценивалась в наследии Веселовского, и именно поэтому приходится не согласиться с заключением Фрейденберг о том, что Веселовского «интересует общая механика литературного процесса в целом, но не движущие причины этой механики»⁶⁸. Движущие причины являются главным фокусом работ Веселовского, но поиск причин идет *изнутри* системы, из ее предрасположенности. Например, исследуя «ходульность» и «схематичность» новеллы XVI века, Веселовский показывает, что ценности, проповедуемые в новеллах того времени, не стали частью *внутреннего*. «Оттого, относительно ее, нравственные идеалы, в которые играют теперь литературные кружки, являются условными, искусственными, не обязательными; они снова повернули на формализм, только это не формализм эпического обычая, а этикета и риторики, и как он — сословный»⁶⁹. Эту же методологию Веселовский

⁶⁶ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 259.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Фрейденберг О. Указ. соч. С. 20.

⁶⁹ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 278.

прилагает и к анализу различных исторических эпох, и к литературным процессам. Так, его определение эпоса зиждется на подчинении личного массовому с последующим развитием типичности «в противоположность индивидуальному»⁷⁰. Но при этом он понимает и личное, и массовое не как борение абстрактных внешних «исторических» сил, а как противостояние *двух типов потенциала*, ибо массовое также имеет свой потенциал.

Историю мысли Веселовский прямо связывает с *внутренним*:

...каждая культурная эпоха обогащает *внутреннее содержание слова* новыми успехами знания, новыми понятиями человечности <...> Это *внутреннее* обогащение содержания, этот прогресс общественной мысли в границах слова или устойчивой поэтической формулы должен привлечь внимание психолога, философа, эстетика: он относится к истории мысли⁷¹.

Связывая «внутреннее обогащение содержания» с прогрессом «общественной мысли в границах слова или устойчивой поэтической формулы», Веселовский, по сути, показывает, что истоки исторического движения — в идеях, зарождающихся *изнутри системы*, а не путем простых заимствований. Вся история мысли, по Веселовскому, зиждется на потенциале общества, и он-то и должен стать объектом «психолога, философа, эстетика».

Субъективность

Внутреннее, по Веселовскому, не сводится к одному или даже нескольким параметрам. Это также находится в полном соответствии с представлением о потенциале как мультипараметричной внутрисистемной категории, вклю-

⁷⁰ Веселовский А. Н. Из истории развития личности: женщина и старинные теории любви. С. 238.

⁷¹ Веселовский А. Н. О методе и задачах истории литературы как науки. С. 19–20.

чающей в себя всевозможные «блоки»⁷², отвечающие за интеллект, физическую силу, волю, принятие решений и т. п.⁷³ Как же интегрируются многочисленные параметры? Существует ли формула или алгоритм, позволяющие объективировать процесс оценки? Этим вопросом, поставленным позднее в теории предрасположенностей, задавался и Веселовский, размышляя о том, как интегрировать множество параметров, чтобы «все подробности, касающиеся» «среды и современного <...> быта», не стали «привеском, лишенным серьезного значения»⁷⁴ (то есть рассматривались как независимые переменные).

Поясняя систему оценок, разработанную Стейницем, Ласкер подчеркивает субъективно-личностный момент, определяющий первичные оценки шахматиста.

В конце концов, все оценки в области шахматной игры основаны на переживаниях шахматиста за доской: на первых его поражениях и победах, доставивших ему горе или радость, и на первых его ничьих, которые воспринимались им различно: то с радостью, если ему удавалось избежать опасности, то с разочарованием, когда не сбывались его надежды на выигрыш. Из этого сырого материала путем все более и более тщательной обработки у мастера создается ряд оценок, которые помогают ему ориентироваться в обстановке. Эти оценки — и в этом, по существу, заключается главная мысль Стейница —

⁷² Понятие «блоков» как составляющих структуру целого введено Марвином Минским в его книге о мыслительном процессе (*The Society of Mind*. N. Y.: Simon & Schuster, 1988). «Блоки» являются той промежуточной связкой между конструкцией и ее элементами, без которой дать целостное представление о конструкции невозможно. Это существенное понимание того, как подходить к описанию разветвленных систем. Оно частично поясняет, почему аристотелевская методология не работает и «кирпичики» многочисленных деталей не выстраиваются в систему.

⁷³ Структура потенциала героя разработана в моей монографии: *Ulea V. A Concept of Dramatic Genre and the Comedy of a New Type*. Chess, Literature, and Film. Carbondale & Edwardsville: Southern Illinois U. P., 2002.

⁷⁴ *Веселовский А. Н.* О методе и задачах истории литературы как науки. С. 12.

являются руководящими. Они служат компасом для моряка, плавающего в океане комбинаций⁷⁵.

Опираясь на идеи, верифицированные в шахматной игре, теория предрасположенностей делает вывод о том, что оценочная категория зиждется на субъективности⁷⁶. «Субъективность означает невозможность разделения оценки и оценивающего, который в дальнейшем работает с объектом»⁷⁷, и она лежит в основе принятия решений, включая и творческий процесс. Тот, кто стоит у руля фирмы, издательства, кафедры и т. п., задает им тон и направление. Смена стиля управления происходит, как правило, даже в том случае, когда место бывшего руководителя занимает его единомышленник. Субъективность оценочной категории признается в сфере бизнеса. Тем не менее в крупнейших университетах США по-прежнему обучают формулам управления, пытаясь объективировать процесс оценки ситуаций.

Веселовский относился к тому редкому типу ученого-лингвиста, который не только понимал роль субъективности, но и всячески проводил эту идею в своих трудах. «Одни ученые исходили из того, что культура и искусство — это плод сознания, субъективный продукт индивидуальной психологии, творческой силы, — пишет Р. Трофимова. — Во многом подобный подход мы находим в трудах А. А. Потебни. Другие, наоборот, полагали, что искусство,

⁷⁵ Ласкер Э. Указ. соч. С. 212.

⁷⁶ В статье «License for Subjectivity» Арон Каценелинбойген показал, опираясь на шахматы как верифицирующую модель, что оценка позиции двумя гроссмейстерами происходит по-разному в силу субъективного фактора. Статья базировалась на лекции, прочитанной для высшего руководства «Mars' electronic division». По окончании лекции вице-президент фирмы поблагодарил Каценелинбойгена, сказав: «Вы дали мне лицензию на субъективность».

⁷⁷ Это новое определение субъективности дано в работах Каценелинбойгена, в частности в его известной статье «License for Subjectivity». См.: http://www.ulita.net/aron/License_for_Subjectivity.htm (перевод цитаты с англ. мой. — В. З.)

отражая жизнь, опредмечивается в вещах, объективно данных сознанию. Подобный подход к постижению искусства применили ученые мифологической школы и А. Н. Веселовский»⁷⁸.

Это противоречит тому, что писал Веселовский о категориях объективного/субъективного. «Объективное представление попросту невозможно», — подчеркивал он⁷⁹. Такое заявление может показаться необычным для ученого, призывающего для получения целостной картины пристально изучать факты. Дело, однако, в том, что даже при наличии одних и тех же фактов их оценка будет различаться в разных культурах, группах и при взгляде на них отдельных ученых. Веселовский прекрасно понимал это, и потому наделил субъективностью не только личность, но и группу: «Субъективность взгляда определяется не только личностью, но народом и племенем, к которым личность принадлежит»⁸⁰.

Эту же мысль ученый развивает в критике гегелевского определения эпоса, лирики и драмы:

...если б я захотел присоединить к ним и свое, я подчеркнул бы субъективизм эпоса, именно *коллективный субъективизм* (курсив автора. — В. З.); я говорю о началах эпоса. Человек живет в родовой, племенной связи и уясняет себя сам, проецируясь в окружающий его объективный мир, в явления человеческой жизни. Так создаются у него обобщения, типы желаемой и нежелаемой деятельности, нормы отношений; тот же процесс совершается и у других, в одинаковых относительно условиях и с теми же результатами, потому что *психический уровень один*. Каждый видный факт в такой среде вызывает оценку, в которой *сойдетя большинство*; песня будет *коллективно субъективным самоопределением*, родовым, пле-

⁷⁸ Трофимова Р. П. История русской культурологии. Учебное пособие для высшей школы. М.: Академический проект; Трикста, 2003. С. 21.

⁷⁹ Веселовский А. Н. Отчеты о заграничной командировке. С. 61.

⁸⁰ Там же.

менным, дружинным, народным; в него входит и личность певца, то есть того, чья песня понравилась, пригодилась⁸¹.

Такой взгляд не мог стать популярным: то, что не поддается массовому приложению, не может быть поставлено на «конвейер», затрудняет процесс обучения.

Веселовский пошел гораздо дальше обозначенной им самим задачи генетического «объяснения поэзии как психического акта, определенного известными формами творчества, последовательно накапливающимися и отлагающимися в течение истории»⁸². Разработанная им методология также гораздо шире той, на которую сегодня опираются в сравнительном литературоведении. Судя по тому, как ученый понимал развитие в целом, речь в его работах идет о литературе как *открытой, протяженной индетерминистской системе*, развивающейся на основе своего собственного внутреннего потенциала, вступающей во взаимодействие с другими системами, но не детерминированной ими. К подобному типу систем относятся медицина, экономика, биология, шахматы, литература и искусство и др.

Как видим, некоторые основные методологические положения Веселовского концептуально совпадают с новейшими разработками в ОТС. И хотя ему не удалось пояснить теоретически свой метод мышления, ход мысли ученого со всей последовательностью и определенностью раскрывается в кратких обобщениях и обширном фактическом материале.

г. Филадельфия

⁸¹ *Веселовский А. Н.* Исторические условия поэтической продукции. С. 240.

⁸² *Веселовский А. Н.* Определение поэзии (1888—1890) // *Веселовский А. Н.* Избранное. Историческая поэтика. С. 83.